Проф. И. А. ИЛЬИНЪ

ЯДЪ БОЛЬШЕВИЗМА

ЖЕНЕВА 1931
ИЗДАТЕЛЬСТВО „БОРЬБА ЗА КУЛЬТУРУ"

Проф. И. А. ИЛЬИНЪ

ЯДЪ БОЛЬШЕВИЗМА

ЖЕНЕВА 1931
ИЗДАТЕЛЬСТВО „БОРЬБА ЗА КУЛЬТУРУ"

ЯДЪ БОЛЬШЕВИЗМА

I. Постановка вопроса

Современное человѣчество не уясняетъ себѣ значенiе того, что происходитъ въ совѣтской Россiи: оно не понимаетъ ни возникновенiя большевизма, ни его сущности, ни его намѣренiй, ни его опасности. Задача русской эмиграцiи состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы уяснить себѣ мiровое значенiе русскихъ событiй и затѣмъ — разъяснить его всѣмъ народамъ.

Коммунистическiй большевизмъ, какъ движенiе, давно уже вышелъ за предѣлы Россiи. Цѣли его съ самаго начала были мiровыя; и нынѣ его движенiе разливается по всему свѣту. Русская большевицкая революцiя не есть какой-то „опытъ" или „экспериментъ", предпринятый для осчастливленiя „будущихъ поколѣнiй". Это есть борьба за мiровую власть, которая уже началась; — борьба за общечеловѣческое духовно-религiозное разложенiе и хозяйственно-политическое порабощенiе. Эта борьба уже развернулась и человѣчество разрѣзано ея фронтомъ больше и глубже, чѣмъ оно было раздѣлено фронтомъ великой войны. Между обѣими борющимися силами нѣтъ промежутковъ и пустоты, нѣтъ нейтральныхъ силъ или безразличныхъ величинъ. Коммунистическая организацiя есть волевой центръ, который не признаетъ ни уступокъ, ни примиренiя, ни сотрудничества: для него существуютъ только враги и порабощенные. Всѣ не порабощенные — суть его враги; всѣ враги подлежатъ порабощенiю; и всѣ порабощенные всегда подозрѣ-

ваются въ скрытой враждѣ. Коммунистическій центръ всегда смотритъ на врага, какъ на своего будущаго раба; и всегда видитъ въ своемъ рабѣ — своего бывшаго врага. Тотъ кто заключаетъ съ нимъ договоръ или союзъ — можетъ быть увѣренъ, что чаша съ ядомъ уже поднесена къ его губамъ и что ударъ сзади послѣдуетъ въ скоромъ времени. Въ этой борьбѣ всѣ наивные и довѣрчивые становятся орудіемъ своего и чужого порабощенія, особенно въ тотъ моментъ и тамъ, когда они меньше всего ожидаютъ. А тамъ, гдѣ повидимому имѣется еще якобы „нейтральная" сила или „безразличная" величина, тамъ коммунистъ или еще не добрался до своего врага, или же ему удалось ослѣпить его и использовать его незамѣтно.

Въ этой борьбѣ никто не имѣетъ „иммунитета" — ни люди, ни организаціи, ни государства. Всюду уже намѣчена внутренняя грань распада и борьбы; люди только не умѣютъ осмыслить ее или не хотятъ принять и признать ее волею. Черезъ весь міръ проводилась и вотъ уже прошла линія — сплошного соприкосновенія и напора, линія отравы и отравляемости. Хотятъ этого люди, или не хотятъ; видятъ это и сознаютъ, или не сознаютъ и не видятъ — линія уже проведена, ядъ разливается, эпидемія распространяется, опасность растетъ. И въ этой развертывающейся міровой борьбѣ русская эмиграція имѣетъ отвѣтственную и почетную задачу — разъяснить всѣмъ народамъ духовное значеніе большевицкой революціи.

Міръ, подвергающійся нынѣ коммунистически-большевицкому напору, отнюдь не является самъ по себѣ полнымъ силы и здоровья. Онъ борется со своими внутренними — духовными, хозяйственными и политическими трудностями, и не справляется съ ними. Онъ внутренно дѣлится и распадается на церкви и государства, на расы и націи, на классы и партіи, ведущія между собой давнишнюю и не прекращающуюся борьбу. Онъ ослабленъ великимъ духовно-ре-

лигіознымъ кризисомъ, еще не осознаннымъ и не осмысленнымъ, подрывающимъ силу и сопротивляемость человѣческаго духа. Онъ изъѣденъ тѣми самыми соблазнами и полонъ тѣхъ самыхъ опасностей, которыя составляютъ самое естество большевизма-коммунизма, и надъ углубленіемъ которыхъ большевики работаютъ, какъ мыши, день и ночь. И всѣ эти затрудненія, дѣленія, соблазны и опасности образуютъ какъ бы нѣкія каверны или ямы для и вливанія большевицкаго яда или большевицкой заразы. То, что въ древности видѣлось въ видѣніяхъ великимъ подвижникамъ и пустынникамъ православнаго востока, стало нынѣ міровою дѣйствительностью: сила вражьяго яда или зараженія („приpаженія“) стала сплошной и непрерывной стѣной. Эту силу не надо преувеличивать: съ ней можно и должно бороться; ее необходимо побѣдить. Но именно для побѣды необходимо открыть глаза себѣ и другимъ.

Сущность этой борьбы мы должны продумать и усвоить до конца. Все то, что составляетъ недостатокъ, затрудненіе или внутреннюю опасность на одной сторонѣ, ея минусъ, — есть побѣдное преимущество, шансъ на успѣхъ, или плюсъ на другой сторонѣ. Всякій недостатокъ разумѣнія, бдительности, силы, воли, умѣнія, образованія, таланта, храбрости, чести, организованности, геніальнаго водительства, политическаго искусства, вооруженія или денежныхъ средствъ въ бѣломъ, духовномъ станѣ — есть выигрышъ и успѣхъ въ красномъ станѣ сыновъ погибели. И они это знаютъ; и зная, стараются и умѣютъ использовать все это къ своей выгодѣ и побѣдѣ. Они дѣлаютъ ставку на все: на борьбу между державами, особенно между Германіей и бывшей „антантой“; на отдѣленіе колоній отъ Англіи и отъ другихъ державъ; на замыслы черной расы и на броженіе среди желтой расы; на настренія среди національныхъ меньшинствъ; на религіозно-завоевательные планы католической церкви, на слишкомъ медленную эволюцію евреевъ и масоновъ слѣва направо; на міровой хозяйственный кризисъ

(значеніе демпинга); на подготовку мірового пролетаріата къ соціализму и интернаціонализму; на крушеніе парламентскаго строя и на демократическія свободы; на латинскую революціонность и на англо-саксонскую медлительность; на безбожіе современнаго школьнаго учителя, на расшатанность современной семьи; на робкое безволіе европейской и американской профессуры; на безидейность и жадность руководящихъ хозяйственныхъ круговъ въ мірѣ; на честолюбивую раздорливость русской эмиграціи, на ея нужду, усталость и короткомысліе; на довѣрчивость однихъ, на легкомысліе другихъ, на продажность третьихъ. И больше всего — на всеобщее маловѣріе и смуту въ умахъ.

Успѣхъ большевизма въ мірѣ объясняется, во-первыхъ, его волевой энергіей; во-вторыхъ, тѣмъ направленіемъ, въ которомъ онъ движется; въ третьихъ, состояніемъ остального, еще не завоеваннаго имъ міра.

1. И такъ, во-первыхъ, — волевая енергія большевиковъ.

Къ началу революціи Россія представляла собою странную и поучительную картину, какъ если бы вся воля ушла справа налѣво, въ злобу и разрушеніе: люди настроенные созидательно и трезво, люди государственнаго образа мысли и патріотизма — пребывали въ какомъ то безволіи и безвѣріи, въ какой то растерянности; напротивъ, чѣмъ дальше налѣво, тѣмъ енергичнѣе, аггресивнѣе, злѣе и безстыднѣе вели себя люди. Воля къ безчестію, къ разрушенію и грабежу — была сильна и сосредоточена. Воля къ спасенію родины, къ порядку и вѣрности, къ отпору большевикамъ — пребывала въ безсиліи и бездѣйствіи.

Нынѣ это состояніе въ большей или меньшей степени распространяется по всему свѣту. Коммунисты знаютъ, чего они хотятъ и ломятся къ своей цѣли беззастѣнчиво, искусно, неутомимо; у нихъ есть идея — правда извращенная и гибельная; у нихъ есть планъ борьбы — правда лукавый и свирѣпый: и всетаки у нихъ есть и то, и другое.

Не-коммунисты не знаютъ чего они хотятъ, ихъ воля находится въ состоянiи величайшаго разнобоя и взаимнаго противоборства: они только и дѣлаютъ, что обезсиливаютъ другъ друга и сами себя; у нихъ нѣтъ идеи — духовной, политической и соцiальной, которую они могли бы противопоставить коммунистамъ и которою они могли бы увлечь за собой массы; у нихъ нѣтъ и плана борьбы съ мiровою заразою; и если гдѣ нибудь появляется зачатокъ такой идеи (напр, въ фашизмѣ), то имъ пользуются, какъ домашнимъ снадобьемъ, цѣлебнымъ для себя и опаснымъ, а можетъ быть и гибельнымъ для всѣхъ сосѣдей. Народы продолжаютъ жить такъ, какъ прежде люди жили во время чумы: только бы самому не заразиться, да еще бы нажиться отъ общей бѣды; а остальные какъ хотятъ... И вотъ — воля крѣпнетъ во злѣ и слабѣетъ въ добрѣ. А этого только и надо сынамъ погибели.

2. Успѣхъ большевизма-коммунизма въ мiрѣ объясняется во вторыхъ тѣмъ направленiемъ, въ которомъ онъ движется: это есть движенiе по линiи наименьшаго сопротивленiя. Духъ человѣка, когда творитъ и созидаетъ движется всегда по линiи наибольшаго сопротивленiя. Духовная культура — въ наукѣ и въ искусствѣ, въ политикѣ и въ хозяйствѣ — требуетъ всегда обузданiя страстей, напряженiя, труда, аскеза; она невозможна безъ лишенiй, страданiй и воли; она всегда творитъ высшiй законъ и предполагаетъ въ человѣкѣ вѣрность и силу характера. Напротивъ, большевицкая пропаганда движется по линiи страстей и вожделѣнiй, потакая самымъ сильнымъ, самымъ дурнымъ, самымъ разрушительнымъ изъ нихъ. Большевикъ беретъ человѣка, какъ существо, жаждущее удовольствiй и прибытка, какъ существо утомленное и подлежащее разнузданiю. Этому существу большевикъ несетъ распаляющiя слова и посулы, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ одурачить его. Онъ говоритъ какъ бы

голосомъ и словами этого существа, съ тѣмъ, чтобы увлечь и поработить его.

Духъ требуетъ внутренней досциплины. Большевизмъ саздаетъ массовый психозъ, заразу, эпидемію Онъ движется по линіи наименьшаго сопротивленія и ведетъ въ пропасть.

3. Въ третьихъ, успѣхъ большевизма объясняется состояніемъ остального, еще не завоеваннаго имъ міра. Въ этомъ мірѣ царитъ жадность, взаимная ненависть и, главное, слѣпота. Этотъ міръ имѣетъ многочисленныя каверны, приспособленныя для воспріятія большевицкаго яда; или, если угодно, очаги воспаленія, какъ бы созданные для бактерій большевизма. Эти каверны и очаги имѣетъ и русская эмиграція; ихъ надо прежде всего осознать и устранить.

Въ чемъ же сущность большевизма? И въ чемъ эти опасности?

II. Большевизмъ какъ состояніе души и бытовое явленіе

Большевизмъ есть не только политическій и хозяйственный строй, т. е. диктатура партіи, водворяющей соціализмъ посредствомъ принужденія и страха. Всякій строй и республиканскій и монархическій, соціалистическій и частно-хозяйственный — зарождается и созрѣваетъ въ человѣческой душѣ; въ строеніи и настроеніи человѣческихъ душъ его главная опора. Пока одни люди умѣютъ приказывать, а другіе готовы повиноваться — строй будетъ существовать; и разрушить его будетъ невозможно. Для того, чтобы онъ палъ — въ однѣхъ душахъ должна разложиться воля къ власти, а въ другихъ долженъ сложиться отказъ отъ повиновенія, от-

казъ во что бы то ни стало. Искусство править есть искусство организовывать и повелѣвать: и еще — искусство не допускать подчиненныхъ до отказа отъ повиновенія.

Вотъ почему большевизмъ слѣдуетъ разсматривать какъ душевное состояніе. Россія рухнула потому, что большевизмъ водворился въ душахъ. Большевицкая пропаганда и есть не что иное какъ подготовка душъ. И если большевизмъ овладѣетъ душами на западѣ, то рухнутъ одно за другимъ всѣ западныя государства.

Что же есть большевизмъ?

Большевизмъ есть разложеніе духа и разнузданіе алчности въ человѣческой душѣ.

Это разложеніе и разнузданіе не ново въ исторіи человѣчества: ново его современное названіе, обоснованіе и проповѣдь. Доселѣ въ исторіи человѣчества такое разложеніе духа и разнузданіе алчности вспыхивало лишь періодами, на подобіе эпидеміи — въ эпохи смутъ и гражданскихъ войнъ, а также въ эпоху чумы, когда ожесточившіяся души, рискуя всѣмъ, начинали посягать на все и разрѣшать себѣ все. Въ разныя эпохи, въ ученіи тайныхъ сектъ, можно найти попытки обосновать это духовное разложеніе, превратить его въ ученіе и систему, и распространить его посредствомъ пропаганды; однако эти попытки никогда не имѣли рѣшающаго успѣха и всегда находили себѣ предѣлъ — то въ сопротивленіи здороваго инстинкта и здоровой религіозности, то въ отпорѣ государственной власти, то въ невозможности выйти за предѣлы даннаго языка и національности. Заболѣвшая часть человѣчества обуздывалась или искоренялась здоровымъ большинствомъ и не успѣвала заразить его своею душевною болѣзнью.

Большевизмъ не есть помѣшательство, но онъ есть несомнѣнно душевно-духовная болѣзнь; этимъ, между прочимъ, и объясняется то обстоятельство, что во главѣ большевицкихъ возстаній и переворотовъ оказываются нерѣдко люди или психически неуравновѣшенные, или нравственно

дефективные, или просто находящіеся въ стадіи начальнаго помѣшательства; такъ было и въ Мюнхенѣ, и въ Венгріи, и въ Россіи (паранойя Ленина была установлена врачами по его рѣчамъ и поступкамъ за нѣсколько лѣтъ до его обострившагося слабоумія).

Большевизмъ, какъ душевная болѣзнь, состоитъ въ томъ, что въ человѣкѣ разлагается и слабѣетъ духовное начало и начинаетъ преобладать начало животнаго инстинкта. Животный инстинктъ, сбросивъ съ себя духовный законъ, оказывается безудержной алчностью, требующей чувственныхъ удовольствій и земного благополучія (бытовая форма матеріализма). Его формулы:— „все немедленно мнѣ" и „всѣ средства хороши". Это настроеніе можетъ охватить цѣлый классъ и тогда онъ станетъ революціоннымъ классомъ: онъ начнетъ гражданскую войну и въ случаѣ успѣха создастъ тиранnію или классовую диктатуру. Требованія его оказываются максимальными; его борьба становится безпощадною и свирѣпою. Поэтому большевизмъ долженъ быть обозначенъ, какъ максимализмъ и терроризмъ.

Такое желаніе — „всѣхъ задавить и все себѣ забрать" (все имущество и всю власть) — можетъ быть связано съ соціализмомъ и коммунизмомъ; но оно можетъ быть и не связано съ ними. Древняя Греція и древній Римъ знали такія гражданскія войны, въ которыхъ ни та, ни другая сторона не стремилась къ отмѣнѣ частной собственности, и въ то же время обѣ стороны предавались взаимному истребленію, изгнанію и грабежу; сословно-классовый большевизмъ владѣлъ тогда и „аристократами," и „демократами"; боролись за власть и за перемѣщеніе богатствъ изъ рукъ въ руки, клялись ненавидѣть другъ друга и вредить другъ другу до конца; доходили до того, что захватывали дѣтей своихъ политическихъ враговъ, жгли ихъ живыми въ смолѣ или бросали подъ ноги быкамъ.

Итакъ, большевизмомъ могутъ заболѣть не только соціалисты, но и классы и партіи, признающія частную собственность*); не только лѣвые, но и правые; не только люди, стремящіеся къ захвату государственной власти, но и анархисты. Большевизмъ есть по существу своему разбойничье настроеніе: вторженіе разбоя въ политику или превращеніе политики въ разбой. Это разбойничье настроеніе можетъ таиться въ подпольѣ (періодъ нелегальной борьбы), но можетъ выступать и открыто („грабь награбленное"). Мало того, это настроеніе можетъ укрываться въ оттѣнкахъ и проявляться въ такихъ поступкахъ, которые обычно не называются „большевицкими", но которые подобны и равноцѣнны большевицкимъ.

1. Такъ, безпринципный карьеристъ, который мѣряетъ всѣ дѣла своимъ личнымъ успѣхомъ, своею алчностью, считая, что всѣ средства хороши — близокъ большевикамъ, даже и тогда, когда онъ повидимому выступаетъ, какъ „крайній правый"; вотъ почему въ русской революціи мы видимъ, какъ множество безпринципныхъ карьеристовъ изъ всѣхъ партій охотно пошли на службу къ большевикамъ. Именно поэтому безпринципные карьеристы всѣхъ странъ являются и сейчасъ уже готовымъ кадромъ и будущимъ орудіемъ большевизма: страна, въ которой вспыхнетъ большевицкая революція, увидитъ, какъ всѣ ея безпринципные карьеристы повалятъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, „на службу" къ большевикамъ.

2. Такова же участь и всѣхъ политическихъ авантюристовъ: совсѣмъ не надо быть коммунистомъ,

*) Напр. крестьяне: въ первые годы революціи крестьяне, настроенные революціонно, не разъ говорили коммунистамъ въ Сибири и на Украинѣ: „мы большевики, но не коммунисты". См. въ сочиненіяхъ Ленина Т. XVIII ч. I стр. 327. Именно таково было все движеніе Махно на Украинѣ.

для того, чтобы оказаться въ станѣ большевиковъ: достаточно быть безидейнымъ и безотвѣтственнымъ честолюбцемъ. Есть люди, которые только и дѣлаютъ что пристегиваются къ повозкѣ „побѣдителя", въ которыхъ живетъ неодолимая потребность говорить о всякой власти „мы", и пробираться въ ея сердцевину. Есть и такіе, — а въ наши дни ихъ повсюду особенно много, — которымъ всякая смута кажется желанною, потому что она сулитъ имъ „благопріятную" коньюнктуру; или же такіе, которымъ необходимо утопить ихъ печальную репутацію въ революціонномъ половодьѣ, подрывающемъ въ душахъ всякое понятіе о добрѣ и злѣ. Чѣмъ больше такихъ людей въ странѣ, тѣмъ ближе она къ большевизму: и многіе изъ нихъ окажутся впослѣдствіи у большевиковъ на службѣ.

3. Сюда же относятся и всѣ продажные люди, которые готовы за свой личный прибытокъ предать общественное и національное дѣло. Общественное дѣло есть для нихъ не болѣе, чѣмъ поле охоты или личнаго промысла, — большая дорога, на которой они „промышляютъ" себѣ „добычу". Государственное зданіе всегда подобно обороняющейся крѣпости; продажный человѣкъ подобенъ сторожу, который потихоньку распродаетъ на сторону пороховой запасъ или впускаетъ врага въ крѣпость за деньги. Душевно кривые люди вообще не знаютъ вѣрности и спокойно предаютъ всякое дѣло. Судьба ихъ въ томъ, чтобы большевики купили ихъ, а потомъ, за ненадобностью разстрѣляли. Понятно, что всякая страна тѣмъ ближе къ большевизму, чѣмъ больше въ ней такихъ людей.

4. Къ разряду такихъ явленій, предвозвѣщающихъ большевизмъ и облегчающихъ его наступленіе, относится и хулиганство, столь близкое къ бытовому самодурству. Хулиганство есть проявленіе злыхъ и необузданныхъ страстей. Человѣкъ ищетъ злой потѣхи и для этого не останавли-

вается не только передъ шиканой *), но и передъ прямымъ преступленіемъ. Его всегда тянетъ нарушить законъ и запретъ и поставить другого въ трудное или мучительное положеніе. Чужія страданія забавляютъ и утѣшаютъ его; всякое вредительство — иногда совершенно „безкорыстное" — доставляетъ ему удовольствіе; разрушеніе становится его стихіей. Двигаясь по этому пути, онъ легко доходитъ до свирѣпости и до кощунства; и всегда несетъ съ собой атмосферу вседозволенности.

Большевизмъ есть не что иное, какъ хулиганство въ политикѣ, а хулиганство есть бытовой большевизмъ (отсюда близость Есенина, Маяковскаго и другихъ имъ подобныхъ — къ большевикамъ). Русское хулиганство, расцвѣтшее въ **1905-1908** годахъ и не разъ обличенное въ русской художественной литературѣ, было прямымъ предвѣстникомъ большевизма. Нынѣ явленіе хулигана, обозначаемаго иностраннымъ словомъ „рауди", извѣстно уже во всей Европѣ и особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ русскіе коммунисты безпрепятственно и успѣшно ведутъ свою пропаганду. Такимъ образомъ можно сказать съ увѣренностью, что въ европейскихъ странахъ ростъ хулиганства и ростъ большевизма будутъ идти рука объ руку; и чтострана, захваченная большевицкой революціей—увидитъ своихъ хулигановъ въ рядахъ коммунистическаго чиновничества и пойметъ на дѣлѣ, что есть хулиганство въ политикѣ.

5. Еще въ большей степени все это относится къ профессіональнымъ преступникамъ изъ уголовнаго міра. Они тоже своего рода безпринципные каррьеристы, но они работаютъ не „по службѣ" и не по законамъ, а вопреки законамъ; они тоже авантюристы — но ищутъ не политической власти, а обогащенія; ихъ дѣло тоже продажное и предательское, но зато они не симули-

*) Шиканой называется въ юриспруденціи пользованіе своимъ правомъ исключительно во вредъ другому.

руютъ ни „служенія“, ни „вѣрности“. Большевицкій духъ выраженъ въ нихъ наиболѣе откровенно: алчность и пользованіе всѣми средствами. Правда, бандитъ — не политикъ; но развѣ вся жизнь его не есть вооруженное возстаніе? И развѣ въ этомъ вооруженномъ возстаніи нѣтъ оттѣнка „соціальнаго протеста“? Политическій революціонеръ можетъ съ своей стороны избѣгать (по возможности) уголовныхъ правонарушеній; но развѣ возможна нелегальная борьба безъ нарушенія законовъ, и развѣ возможно вооруженное возстаніе безъ убійствъ и грабежей? Нѣтъ возможности установить, гдѣ кончается разбойникъ и гдѣ начинается политическій возстанецъ въ Спартакѣ, въ Фомѣ Мюнцерѣ, въ Разинѣ, въ Пугачевѣ и другихъ, подобныхъ имъ. Движеніе Махно на Украйнѣ (1918-1921) было не только разбойное, но и политическое. Недаромъ, еще Бакунинъ и Нечаевъ настаивали на сближеніи русскихъ революціонеровъ именно съ разбойно-каторжнымъ элементомъ. Недаромъ Достоевскій отмѣтилъ сотрудничество Петра Верховенскаго съ Федькой Каторжнымъ. Не случайно русскіе большевики и лѣвые соціалисты-революціонеры развязали движеніе „экспропріацій“ въ 1906-1907 году, организуя и поощряя мелкіе и крупные вооруженные грабежи по всей странѣ. Въ разгромѣ помѣщичьихъ усадебъ (1903-1906 и 1917) элементы уголовный и соціально-политическій сливались до полной неразличимости. При водвореніи совѣтской власти множество уголовныхъ, амнистированныхъ Временнымъ Правительствомъ влилось въ ряды коммунистической бюрократіи и лишь самые отчаянные предпочли званіе вольнаго бандита и пулю чекиста. Уже въ 1921 году въ Москвѣ уголовный розыскъ отмѣчалъ, что всѣ преступленія совершаются неопытными новичками: бандитовъ-профессіоналовъ больше не было на волѣ — одни были на службѣ у большевиковъ, другіе были разстрѣляны...

Понятно, что большевизмъ тѣмъ болѣе угрожаетъ странѣ, чѣмъ многочисленнѣе, безнаказаннѣе и организо-

ваннѣе ея уголовное подполье (конечно, при прочихъ равныхъ условiяхъ). У Разина и Пугачева было въ обычаѣ по взятiи города прежде всего разбивать тюрьму и выпускать на волю колодниковъ, которые тутъ же и зачислялись въ ряды ихъ дружины. Не воспроизвела ли русская революцiя эту традицiю по своему? Не будетъ ли она воспроизведена и въ Европѣ, гдѣ пѣсня о Разинѣ уже поется по всѣмъ угламъ?

Ясно, что большевизмъ имѣетъ способность проникать въ бытъ и укореняться въ немъ до того, какъ онъ захватываетъ власть и становится политическимъ движенiемъ.

III. Политическая сущность большевизма

Однако было бы совершенно ошибочно сводить большевизмъ къ карьеризму, авантюризму, продажности, хулиганству и преступности. Большевизмъ есть по существу своему движенiе политическое и притомъ революцiонное.

Всюду, гдѣ алчность въ политикѣ осиливаетъ патрiотизмъ и вѣрность, гдѣ она обезсиливаетъ правосознанiе, приводитъ къ молчанiю чувства чести и долга — начинается большевизмъ. Напрасно думать, что большевизмъ есть порожденiе „востока" или „Азiи", что это есть „чисто русское явленiе"... Нѣтъ, большевизмъ есть порожденiе общечеловѣческой алчности и безсовѣстности въ политикѣ; и эта алчность и безсовѣстность можетъ разыграться на западѣ нисколько не менѣе, чѣмъ на востокѣ; и эта безсовѣстая низость въ политикѣ встрѣчалась въ Грецiи, въ Римѣ, въ Византiи также, какъ она встрѣчается въ современныхъ парламентскихъ демократiяхъ. Большевизмъ есть душевное и политическое состоянiе, характерное для

черни, — не для „народа“ или „простонародья“, а именно для черни, т. е. для алчно и разбойно, а потому противогосударственно настроенныхъ людей, которыхъ можно встрѣтить на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Всюду, гдѣ государственная власть разсматривается, какъ добыча или путь къ добычѣ — всюду зарождается большевизмъ; причемъ въ исторіи нерѣдко бываетъ такъ, что эта государственная деморализація захватываетъ сначала правящіе и образованные круги и лишь потомъ, именно благодаря этому распространяется въ народныхъ массахъ: карьеризмъ, алчность и безсовѣстность на верхахъ разжигаютъ безсовѣстность, алчность и карьеризмъ въ низахъ; и революціонное броженіе начинается. Тогда достаточно, чтобы человѣкъ разрѣшилъ себѣ всѣ средства, ведущія къ захвату этой добычи — и большевизмъ изъ настроенія превращается въ революціонное движеніе...

Это означаетъ, что большевицкій ядъ заложенъ въ классовомъ пониманіи государства, столь распространенномъ въ наши дни. Въ самомъ дѣлѣ, если государство состоитъ изъ нѣсколькихъ классовъ и соотвѣтствующихъ имъ политическихъ партій, и каждый классъ (или партія) стремится захватить власть въ свои руки (избирательная борьба!), чтобы „повернуть все по своему“ и провести свою классовую программу,—то духъ большевизма уже на лицо. Правда, еще не „всѣ средства“ считаются дозволенными: бороться за власть и за торжество своего класса позволяется только законными, „конституціонными“ средствами. Но основное настроеніе уже отравлено. Большевикъ говоритъ „все немедленно мнѣ“, а современныя классовыя партіи говорятъ „какъ можно больше — какъ можно скорѣе — мнѣ“... Достаточно, чтобы такая партія потеряла терпѣніе и разочаровалась (хотя бы на время) въ законномъ пути — и политическій большевизмъ развернется во всю...

Къ сожалѣнію идея партійной и классовой диктатуры отнюдь не чужда современному демократическому строю:

бороться за власть — посредствомъ подсчета голосовъ — для проведенія классовой программы — это есть идея, предрасполагающая души къ принятію большевизма.

1. Если политика состоитъ не въ братскомъ единеніи и не въ служеніи сверхклассовымъ цѣлямъ народа, а въ борьбѣ за власть, то жизнь народа неминуемо оказывается прикровенною гражданскою войною: пусть она пока еще протекаетъ въ свиду „мирныхъ“ и „законныхъ“ формахъ, довольствуясь агитаціей, демагогіей, клеветой, интригой и подкупомъ избирателей; но стоитъ людямъ потерять терпѣніе, разочароваться или ожесточиться (отъ неудачной войны, отъ инфляціи или хозяйственнаго кризиса!) и борьба приметъ иныя, кровавыя формы; побѣдившій захватитъ власть и ему будетъ безразлично, что о немъ говорятъ и какъ о немъ судятъ. Народъ вступитъ въ періодъ большевизма.

2. Далѣе, если вопросъ рѣшается подсчетомъ голосовъ, добываемыхъ путемъ демагогіи, интриги и подкупа, то дѣло идетъ уже не о качествѣ, не о правотѣ, или справедливости, или національномъ спасеніи; напротивъ, съ самаго начала признается, что количество можетъ задавить и качество, и правоту. Но если дѣло не въ качествѣ и не въ правотѣ, то почему же не замѣнить число голосовъ — сплоченной силой, почему не разрубить узелъ заговоромъ или переворотомъ, особенно если заговорщики непоколебимо увѣрены, что всяческая „правота“ на ихъ сторонѣ, или что они несутъ міру „новое слово“? А это есть уже начало революціи, гражданской войны и политическаго большевизма....

3. Наконецъ, если каждая партія представляетъ опредѣленный классъ (рабочій, земледѣльческій и т. д.) и желаетъ проводить свою классовую программу, то ей естественно желать и добиваться партійно-классовой диктатуры. Что именно она сдѣлаетъ послѣ захвата дикта

туры, — искоренитъ ли другіе классы (какъ дѣлаютъ большевики въ Россіи) или позволитъ имъ „дышать“, — это уже вопросъ не права, а силы, не права, а доктрины и гуманности. Несомнѣнно только, что идея классовой диктатуры, исповѣдуемая и проповѣдуемая западно-европейскою соціалъ-демократіей воспитываетъ души къ принятію большевизма.

Политическая сущность большевизма не сводится однако къ классовому пониманію государства. Здѣсь лишь начало большевизма; завершеніе его — въ отрицаніи идеи права.

Государственное дѣло состоитъ въ томъ, что **власть** указываетъ людямъ ихъ **права, обязанности и запретности**, и **понуждаетъ** ихъ соблюдать указанное — не превышать своихъ правъ, исполнять свои обязанности, не нарушать запретовъ. Въ этомъ заложены двѣ идеи: идея **права** (свободнаго лица, законности и справедливости) и идея **понужденія** (угрозы, силы, суда и возмездія).

Политическое ученіе современнаго большевизма **отвергаетъ идею права** и строитъ все на своеобразно понятой **идеѣ принужденія**.

1. Всюду, гдѣ есть **право** — есть и **свободное лицо**, т. е. духовное существо, дѣйствующее по собственной иниціативѣ, управляющее своими поступками и отвѣтственное за нихъ. Это свободное лицо называется **субъектомъ права**: ему даются права и полномочія; на него возлагаются обязанности; ему законъ запрещаетъ („не смѣй“); ему судъ вмѣняетъ противозаконные поступки; его судятъ и наказываютъ. Гдѣ нѣтъ свободнаго лица (напр. въ мірѣ вещей и животныхъ), тамъ нѣтъ ни права, ни правопорядка, ни государства.

Сущность большевизма въ политикѣ состоитъ въ **подавленіи свободнаго лица**, его **иниціативы** и его **духовнаго самоуправленія**. Человѣкъ есть для современнаго большевика **матеріальный атомъ**, **покорная машина** или **рабъ**. Его внѣшніе поступ-

жи и его внутреннія переживанія — не нуждаются въ свободѣ и подлежатъ приказу и заказу. Человѣкъ не нуждается въ свободѣ и не смѣетъ ее требовать: ни въ вопросахъ вѣры и религіи (онъ долженъ быть безбожникомъ), ни въ вопросахъ любви и брака (онъ не долженъ дорожить семьей), ни въ вопросахъ воспитанія (оно будетъ передано государственнымъ учрежденіямъ), ни въ вопросахъ жилища (ему отводится обязательный для него уголъ), ни въ вопросахъ хозяйства, торговли и труда (частная собственность отмѣнена, всѣ становятся пролетаріями, государственными наймитами), ни въ политическихъ убѣжденіяхъ (допускается только одна партія, коммунистическая; не-комуннисты подлежатъ подавленію или искорененію)... Свобода вѣроисповѣданія, религіи, слова, печати, союзовъ и собраній отмѣняется. Частная инициатива подавляется. Всякое строительство, организація, творчество—становится государственной монополіей; всѣмъ вѣдаютъ государственныя учрежденія и чиновники; есть только бюрократы и безправные рабы. Большевизмъ есть не правопорядокъ, а последовательный и законченный деспотизмъ.

2. Далѣе, большевизмъ по самому существу своему враждебенъ закону и законности, что не мѣшаетъ ему однако издавать безконечное множество все новыхъ и новыхъ „законовъ" и „декретовъ". Современный большевизмъ родился на свѣтъ, какъ крайнее революціонное теченіе, презирающее всякіе законы и считающее ихъ нарушеніе доблестью. Однако современные большевики отнюдь не анархисты; они признаютъ власть и пользуются ею въ невиданномъ доселѣ объемѣ и съ неслыханною свирѣпостью. Но, умѣя злоупотреблять властью, они не умѣютъ и не хотятъ уважать законность.

Законъ ставитъ предѣлъ не только обывателю, но и чиновнику; не только чиновничьему произволу, но и самой государственной власти. Въ большевицкомъ строѣ — власть не связана ничѣмъ

(ни закономъ, ни правосознанiемъ, ни вѣрою, ни честью, ни совѣстью), а чиновникъ—п о ч т и н и ч ѣ м ъ. У большевиковъ законы пишутся и издаются для обывателей, а не для правительства и его чиновниковъ. Но именно поэтому они не даютъ обывателю — ни свободы, ни правъ, ни увѣренности, ни безопасности. Большевики строютъ жизнь не правомъ, а п р о и з в о л о м ъ: и законы ихнiе не связываютъ произволъ, а р а з в я з ы в а ю т ъ его. Большевицкая власть можетъ „объявить внѣ закона" любого обывателя (какъ „контрреволюцiонера", „врага народа", „буржуя", „священника", „кулака"); но она можетъ сдѣлать съ нимъ все, что угодно, и б е з ъ всякаго „объявленiя". Имѣя „права", обыватель долженъ пользоваться ими съ крайней осторожностью, ибо за пользованiе ими онъ можетъ быть сосланъ и казненъ (напр. за богослуженiе, за торговлю). Сумма налога, причитающагося съ него по закону, указываетъ не м а к с и м у м ъ его повинности, а м и н и м у м ъ (съ него могутъ потребовать въ десять и двадцать разъ больше). За ложныя показанiя судятъ; но большевицкая власть нерѣдко требуетъ отъ допрашиваемаго ложныхъ показанiй („вредительскiе" и вообще политическiе процессы), Совѣтскiй „гражданинъ" долженъ быть всегда готовъ къ тому, что позволенное окажется запрещеннымъ; что безъ всякой вины и преступленiя онъ будетъ подвергнутъ „суду" и возмездiю; что запрещенное окажется обязательнымъ, а предписанное — наказуемымъ (напр. — коммунисты, зимою **1929-1930** г., проводившiе по требованiю центра принудительную коллективизацiю въ деревнѣ, были наказаны за нее весною **1930** г.; нѣкоторые изъ нихъ отъ страха и отчаянiя лишили себя жизни). И такъ большевизмъ есть не правопорядокъ, а возведенный въ систему п р о и з в о л ъ.

3. Наконецъ, большевизмъ отвергаетъ и третiй принципъ права — с п р а в е д л и в о с т ь. Весь составъ народа дѣлится у большевиковъ: на п р и в и л л е г и р о в а н н о е с о с л о в i е — рабочiе пролетарiи; и на б е з п р а в н у ю н а-

родную массу — крестьянство и все непартійное население. Большевицкая власть есть партійная, не только потому, что правитъ одна партія, но еще и потому, что эта партія правитъ въ свою пользу. Эта власть классовая — не потому, что „рабочій классъ правитъ", а потому, что большевики правятъ отъ его имени и предоставляютъ ему нѣкоторыя блага и удобства, остающіяся послѣ удовлетворенія коммунистической партіи. Большевики открыто отвергаютъ справедливость: коммунистъ и не-коммунистъ, рабочій и не-рабочій — обезпечиваются не одинаково, выдвигаются на службу не одинаково; по разному судятся и пользуются разными правами; то, что „прощается" одному, не прощается другому; тамъ, гдѣ одинъ бываетъ снабженъ и обезпеченъ, другой оказывается лишеннымъ и заработка и жилища — то есть обреченнымъ на голодную смерть.

Большевизмъ есть строй сословныхъ привиллегій.

4. Но отвергая идею права (свободнаго субъекта, законности и справедливости), большевизмъ строитъ свое государство на принужденіи и страхѣ.

Большевицкую власть никто не уважаетъ: она лишена всякаго авторитета — и моральнаго, и государственнаго. Мало того, всѣ кто не продался ей — питаютъ къ ней презрѣніе и отвращеніе. Она сама это знаетъ и ея дѣятели не разъ открыто признавали это. Зато эта власть создала такую атмосферу доноса и страха, съ которой не могутъ сравниться даже худшія времена испанской инквизиціи. Лишивъ всѣхъ имущества; самостоятельности и свободы, большевики стремятся регулировать все приказомъ и запретомъ; а такъ какъ никто, кромѣ нихъ самихъ, не заинтересованъ въ повиновеніи имъ, то все закрѣпляется угрозой, тайнымъ доносомъ и казнью. Самый судъ ихъ есть трагикомедія устрашенія; самое наказаніе ихъ есть расправа. Они пытаются угасить инстинктъ личнаго и народнаго самосохраненія, и замѣнить его распоряженіемъ центральной власти; и такъ какъ эта противосте-

ственная затѣя обречена на неудачу, и хозяйственные и оргонизаціонные провалы слѣдуютъ одинъ за другимъ — то-они заливаютъ немощь своей затѣи кровью невинныхъ или неосторожныхъ людей. Міръ не видалъ еще такой слѣпой вѣры во всемогущество приказа и устрашенія; исторія не отмѣчала еще столь свирѣпой и столь сознательной въ своей свирѣпости политической машины; никогда еще государственное начало не стремилось поглотить всю жизнь народа и не создавало столь извращеннаго и унизительнаго строя. Эта унизительность выражается наиболѣе ярко во всепроникающемъ политическомъ доносительствѣ и въ томъ, что совѣтскіе граждане обязаны, по первому указанію правящей партіи, выступать съ восхваленіемъ террора и съ публичнымъ требованіемъ смертной казни для очередныхъ невинныхъ или неосторожныхъ жертвъ.

Такимъ образомъ, большевизмъ есть строй принципіальнаго безправія и принужденія.

IV. Коммунизмъ.

Но для современнаго большевизма особенно характерно то обстоятельство, что онъ выступаетъ подъ флагомъ коммунистической доктрины. Именно этимъ объясняется его стремленіе подавить человѣческую личность, обезправить ее и лишить ее всякой хозяйственной самостоятельности. „Идея“ коммунизма состоитъ: 1. въ томъ, чтобы погасить личную инициативу въ хозяйствѣ и замѣнить ее организаціоннымъ распоряженіемъ, идущимъ изъ центра; 2. въ томъ, чтобы погасить въ душахъ личную заинтересованность въ трудѣ и его продуктивности, и замѣнить ее революціоннымъ пафосомъ принудительнаго сотрудничества; и наконецъ 3. въ томъ, чтобы замѣнить буржуазную свободу неравныхъ людей — равенствомъ безправныхъ наймитовъ.

1. Коммунистъ не вѣритъ въ личную инициативу, но вѣритъ во всемогущество централизованной бюрократіи. Онъ считаетъ, что творческая интуиція единоличнэго хозяина вредна въ хозяйствѣ; что она растрачиваетъ силы въ ненужной и вредной конкурренціи и ведетъ къ анархіи производства и рынка, къ кризисамъ, безработицѣ, голоду и такъ далѣе. Государственный центръ якобы можетъ лучше предвидѣть, руководить и строить народное хозяйство.

Опровергнуть это ложное гибельное воззрѣніе можетъ по настоящему только жизненный опытъ, который и будетъ извлеченъ человѣчествомъ изъ русской революціи. Намъ достаточно здѣсь установить что эта ложная идея весьма распространена въ современномъ человѣчествѣ, и что всюду, гдѣ народы увлекаются всяческой „соціализаціей" „муниципализаціей" и „націонализаціей", подавляя частную инициативу, передавая городамъ, общинамъ или государству хозяйственную монополію и безоглядно ее расширяя — они уже идутъ по пути коммунистовъ. Повидимому всякая будущая война будетъ содѣйствовать этой тенденціи, ибо она будетъ вызывать къ жизни нѣчто вродѣ осаднаго положенія или „военнаго соціализма", т. е. судорожнаго подчиненія всего хозяйства и всей жизни страны государственно-военному распоряженію.

2. Идея коммунистовъ, — погасить личную заинтересованность человѣческой души въ томъ, что она дѣлаетъ и что она производитъ, — обнаруживаетъ съ наибольшей нэглядностью извращенность и притязательность всего ихъ замысла. Пока человѣкъ ведетъ земную жизнь — онъ таитъ въ себѣ личный инстинктъ самосохраненія и потому руководится личной заинтересованностью. Физическій голодъ и половой инстинктъ суть состоянія испытываемыя индивидуально; и никакія коммунистическія попытки закрыть себѣ на это глаза или игнорировать это — не будутъ имѣть успѣха. Напрасны всѣ ихъ притязанія — переплавить или пере-

строить человѣческій инстинктъ; природа „изгнанная въ дверь, ломится въ окно“; а коммунисты не „боги“, властные надъ природой.

Опровергнуть это ложное и гибельное воззрѣніе можетъ только жизненный опытъ, который и будетъ извлеченъ человѣчествомъ изъ русской революціи. Намъ же достаточно здѣсь установить, что эта извращенность и претенціозность характерны вообще для современнаго разсудочнаго и полуобразованнаго человѣка. Успѣшно завоевывая природу, побѣждая ее своими изобрѣтеніями и заставляя ее служить себѣ (машины!), современный челонѣкъ не постигъ еще, что человѣческая душа есть созданіе сложное, ирраціональное и своеобразно-закономѣрное; что она имѣетъ свою природу, надъ которой человѣческій разсудокъ не властенъ; и что попирать законы этой природы нельзя безнаказанно.

За коммунистами идутъ люди, отравленные разсудочнымъ полуобразованіемъ; и понятно, что этотъ ядъ, разливающійся по свѣту, содѣйствуетъ распространенію коммунизма.

3. Идея равенства безправныхъ наймитовъ порождена въ основѣ своей — завистью. Сила зависти есть главная сила и страсть, на которую коммунисты разсчитываютъ и къ которой они неустанно обращаются. Ихъ тактика въ Россіи и во всемъ мірѣ состоитъ въ томъ, чтобы натравливать низшаго на высшаго, необразованнаго на образованнаго, подчиненнаго на начальника, бѣднаго на богатаго, бездарнаго на даровитаго, младшаго на старшаго, дѣтей на родителей. И всюду, гдѣ они работаютъ, они сѣютъ зависть, чтобы пожать разрушеніе и кровь.

Что есть зависть?

Зависть есть уязвленное самочувствіе низшаго. Это есть ненависть лишеннаго къ обладающему; злоба на чужое преимущество; жажда отнять у другого это преимущество и присвоить его себѣ. Зависть есть разновидность ненависти;

и удовлетвореніе свое она находитъ или въ разрушеніи чужого преимущества (красоты, богатства или самой жизни — пусть совсѣмъ не будетъ лучшаго и высшаго!...), или же въ отнятіи и присвоеніи его. Вотъ почему зависть всегда ведетъ къ нападенію — или открытому (обливаніе лица сѣрной кислотою, ограбленіе, поджогъ, погромъ, убійство, гражданская война), или прикровенному (интрига, клевета). Зависть вообще не строитъ и не творитъ, — она разрушаетъ. Изъ двухъ возможностей — 1) примириться съ чужимъ преимуществомъ или 2) отнять его цѣною разрушенія — она, не колеблясь, всегда выбираетъ второе.

Россія рухнула въ большевизмъ отъ накопившихся въ ней запасовъ зависти, которую большевикамъ удалось разжечь и разнуздать. Третій интернаціоналъ есть прежде всего штабъ міровой зависти: ея средоточіе, ея распространеніе, ея углубленіе; онъ борется во имя зависти; онъ борется завистью; его побѣда будетъ ея побѣда; побѣда той самой зависти, которая однажды привела сатану къ отпаденію и подняла руку Каина на Авеля. Нынѣ во всѣхъ странахъ агенты его, пользуясь трудностями частно-правового хозяйства, основаннаго на собственности, и остротою соціальнаго вопроса, — пытаются разжечь и сорганизовать массовую зависть для повсемѣстнаго переворота и захвата власти въ свои руки. И люди самыхъ различныхъ партій и народовъ, не видя опасности, играютъ въ ту же игру, разсчитывая разыграть ее въ свою пользу, и не понимая, что они, какъ неумѣлые диллетанты или подмастерья будутъ вытѣснены, покорены и раздавлены великимъ мастеромъ зависти.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ міру было даровано божественное противоядіе, могущее побороть зависть, какъ начало міровой гибели. Нынѣ это противоядіе живо лишь въ немногихъ душахъ. За послѣдній вѣкъ ядъ зависти осозналъ себя, сталъ „научной“ теоріей (марксизмъ), подорвалъ въ душахъ пониманіе частной собственности, ослѣпилъ

людей несбыточной и вредной утопіей равенства и сорганизовалъ милліоны людей вокругъ идеи **социализма**.

Соціализмъ есть идея разрушительная и демагогическая но **волевая** и **революціонная**. Однако по мѣрѣ того какъ руководители соціалистическаго движенія за послѣднія десятилѣтія переходили отъ митинговаго фразерства къ реальному политическому строительству, они убѣждались въ **малой жизненности этой идеи** и въ чрезвычайныхъ **затрудненіяхъ**, связанныхъ съ ея осуществленіемъ. Они стали или открыто уходить изъ соціалистическихъ рядовъ, или же усвоивать точку зрѣнія выжидательную, мирную, эволюціонную. Къ сожалѣнію, у большинства изъ нихъ не хватало и не хватаетъ мужества дать отбой и разъяснить соціалистически настроеннымъ и революціонно взбудораженнымъ массамъ — общее заблужденіе и пережитое разочарованіе. И вотъ, нынѣ на смѣну имъ идутъ большевики-коммунисты. **Волевая идея революціоннаго соціализма**, поколебленная въ средѣ международной соціалъ-демократіи, **оживаетъ во всей своей фанатичности и аггресивности у коммунистовъ**; и можетъ придти часъ, когда демагогическій напоръ коммунистовъ заставитъ соціалъ-демократовъ или **самимъ всерьезъ** приняться за проведеніе въ жизнь ихъ вредной утопіи, или же **уступить** свое мѣсто волевымъ и безогляднымъ коммунистамъ.

Чтобы искренно вѣрить въ соціализмъ (или коммунизмъ) нужно соединять въ своей душѣ цѣлый рядъ условій. Однако для этого совсѣмъ не надо быть непремѣнно „злымъ“ или „порочнымъ“ человѣкомъ, какъ думаютъ иные; для этого безусловно необходима лишь **своеобразная слѣпота**, — слѣпота жизненная, умственная и моральная. На этой слѣпотѣ строитъ свой успѣхъ не только соціализмъ, но и коммунизмъ. Эта слѣпота не видитъ, во первыхъ, **живого человѣческаго инстинкта**, который можетъ творить и напрягаться только тогда, если онъ **свободно**

(т. е. по собственному побужденію), довѣрчиво и цѣльно вкладывается въ трудъ, во внѣшнія вещи и въ хозяйственные процессы; и который поэтому нуждается въ личной свободѣ и въ частной собственности. Во вторыхъ, эта слѣпота не видитъ живого человѣческаго духа во всей его нематеріальности, силѣ и самоцѣнности и слѣпо вѣритъ въ силу матеріальнаго интереса и въ „святость“ классовой борьбы. Въ третьихъ эта слѣпота не видитъ живого человѣческаго своеобразія и разнообразія, воображая, будто всѣ люди на самомъ дѣлѣ равны, и, ошибочно смѣшивая справедливость съ равенствомъ; поэтому она требуетъ всеобщаго уравненія во всеобщемъ безправіи или еще хуже — требуетъ новаго неравенства, обратнаго тому, которое существовало доселѣ. Все это вмѣстѣ предполагаетъ въ человѣкѣ слабое развитіе духовнаго и личнаго начала, склонность къ упрощенному пониманію міра и человѣка, и главное — неразвитую силу сужденія. Соціалисты и коммунисты суть въ своемъ огромномъ большинствѣ упростители, которые стремятся упростить чужую личную жизнь и весь общественный строй по образу и подобію ихъ собственной души: они мыслятъ отвлеченными и въ то же время элементарными и плоскими понятіями; но за этимъ упрощеннымъ и упрощающимъ мышленіемъ живетъ — особенно въ коммунистахъ — волевой зарядъ, переходящій въ упрямство или даже въ фанатизмъ, и властолюбіе, готовое не останавливаться передъ любыми средствами. Чѣмъ больше въ мірѣ такихъ полуобразованныхъ, но волевыхъ плоскодумовъ, тѣмъ больше шансовъ на распространеніе имѣетъ коммунизмъ. Къ сожалѣнію, современное полуобразованіе и современный соціализмъ выдвигаютъ такихъ людей во множествѣ; и такъ возникаетъ та общественная, хозяйственно-психологическая каверна, въ которую свободно и безпрепятственно вливается ядъ большевизма.

Вотъ почему коммунистическій ядъ такъ опасенъ для современнаго человѣчества.

V. Большевизмъ, какъ духовное разложеніе

Однако ядъ современнаго большевизма дѣйствуетъ и въ болѣе глубокой сферѣ души. Онъ есть явленіе духовной культуры — и притомъ явленіе разложенія и гибели.

Современный большевизмъ отличается отъ сходныхъ явленій исторіи тѣмъ, что онъ выростаетъ изъ сознательнаго воинствующаго матеріализма. Онъ есть не просто душевное состояніе; онъ есть не только политическій строй. Онъ есть прежде всего доктрина, теорія, ученіе, и далѣе, соотвѣтствующая этой доктринѣ фанатическая одержимость.

Доктрина эта состоитъ въ отрицаніи всего, что не матеріально и не тѣлесно: человѣческой души, съ ея свободой и безсмертіемъ; человѣческой духовности и выростающей изъ нея внутренней и внѣшней культуры; высшаго смысла, присущаго человѣку и міру; Божества, вѣры, религіи и церкви. Кромѣ матеріи, тѣла и тѣлесныхъ потребностей (якобы) ничего нѣтъ. Человѣкъ есть высшее животное, происходящее отъ человѣкообразной обезьяны и отличающееся отъ нея только употребленіемъ орудій и веденіемъ хозяйства. Вся жизнь человѣка опредѣляется хозяйствомъ и хозяйственнымъ производствомъ. Кто владѣетъ орудіями производства на правѣ частной собственности, тотъ угнетаетъ и эксплуатируетъ другихъ; поэтому всѣ орудія производства (земля, скотъ, фабрики, машины, станки, пути и средства сообщенія) должны быть общими. Люди дѣлятся на соціальные классы по тому, владѣютъ они орудіями производства или нѣтъ. Классы борятся другъ съ другомъ не на животъ, а на смерть. Въ этой борьбѣ пролета-

ріатъ, т. е. рабочій классъ, лишенный орудій производства долженъ побѣдить: возстаніемъ онъ начнетъ гражданскую войну; въ гражданской войнѣ онъ захватитъ власть и руками „своей" (коммунистической) партіи перестроитъ всю личную и общественную жизнь людей. Другіе классы будутъ лишены собственности и пролетаризованы: промышленники, купцы, помѣщики и интеллигенція — сразу; духовенство и крестьяне — постепенно. Всѣ сопротивляющіеся будутъ казнены; всѣ неприспособившіеся — вымрутъ отъ голода или на принудительныхъ работахъ. Всюду останется одинъ пролетаріатъ; религія исчезнетъ; индивидуальной семьи не будетъ; націи смѣшаются и утратятъ свои особенности; всѣ будутъ говорить на общемъ новомъ языкѣ (Сталинъ). Все хозяйственное производство станетъ машиннымъ и будетъ организовано планомѣрно, изъ единаго центра, также — обмѣнъ и распредѣленіе. Денегъ не будетъ; изъ золота сдѣлаютъ отхожія мѣста (Ленинъ). Всѣ будутъ равны и будутъ безпрепятственно удовлетворять всѣ свои потребности.

Но, главное — будетъ „передѣлана" человѣческая душа: она освободится отъ всякой духовности, которая (якобы) есть не что иное, какъ система вредныхъ предразсудковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она отдѣлается отъ всѣхъ индивидуальныхъ особенностей, отъ всякаго личнаго своеобразія, которое было вызвано къ жизни дѣленіемъ людей на классы. Живя и работая одинаково, люди станутъ равны не только внѣшне, но и внутренно: всѣ будутъ матеріалистами, безбожниками и коммунистами; всѣ будутъ сообща всѣмъ владѣть или же пользоваться; жены и дѣти будутъ общія; дѣти будутъ воспитываться государствомъ и не будутъ знать своихъ родителей. И такъ всѣ будутъ — въ покорности и равенствѣ — мало работать и „наслаждаться" земной жизнью.

Для того, чтобы передѣлать человѣческія души, необходимо разрушить прежній душевный ук-

ладъ и подорвать всѣ старыя духовныя основы: надо постепенно порвать — то уговоромъ, то примѣромъ, то угрозой — всѣ путы и удержи общечеловѣческой морали; надо революціонно разложить души людей; внушить имъ „дерзновеніе"; соблазнить ихъ высшей безнаказанностью; убѣдить ихъ въ томъ, что они „молятся пустымъ небесамъ" и что „не Богъ создалъ человѣка, а человѣкъ создалъ своего бога" (Ярославскій); надо заразить ихъ идеею вседозволенности; — и затѣмъ угрозой, примѣромъ и доказательствомъ выработать въ нихъ новую коммунистическую безбожную и аморальную душу.

Такова соціальная и духовная сущность большевицки-коммунистической доктрины, согласно которой большевики и ведутъ во всемъ мірѣ свою пропаганду и подрывную работу. Отсюда уже ясна противодуховная природа этого ученія и этой работы.

Духъ есть начало внутренняго закона и мѣры; напротивъ, современный большевизмъ насаждаетъ внутренній произволъ и безоглядность. Духъ несетъ человѣку идею священнаго запрета и долга; большевизмъ проповѣдуетъ духовное разнузданіе, вседозволенность и безудержь. Духъ открываетъ человѣку путь къ Богу; большевизмъ внушаетъ ему безбожіе и воинственную противорелигіозность. Духъ утверждаетъ въ человѣкѣ высшее достоинство и взываетъ къ его чести; большевизмъ соблазняетъ человѣка безчестіемъ и ведетъ его черезъ униженія къ рабству. Духъ воспитываетъ въ человѣкѣ характеръ; большевизмъ подмѣняетъ его слѣпымъ фанатизмомъ и свирѣпою одержимостью. Духъ учитъ различать добро и зло; большевизмъ угашаетъ это различіе въ понятіи „классовой пользы пролетаріата". Духъ показываетъ человѣку художественную красоту; большевизмъ ищетъ только классовыхъ удовольствій и развлеченій для пролетаріата. Духъ ищетъ истину и создаетъ науку; большевизмъ замѣняетъ науку мертвою схемою, штампованными банально-

стями марксизма. Духъ утверждаетъ въ человѣкѣ своеобразную и самобытную личность; большевизмъ стремится погасить личность въ коллективѣ, а ея своеобразіе — во всеобщемъ принудительномъ уравненіи. Духъ дышетъ свободно и требуетъ свободы; большевизмъ несетъ человѣку страхъ, подавленіе и покорность. Духъ взращиваетъ въ себѣ вѣрное и глубокое правосознаніе; большевизмъ пріучаетъ душу къ произволу, деспотизму и рабству. Духъ говоритъ человѣку о справедливости; большевизмъ учитъ слѣдовать личному и классовому интересу. Духъ освящаетъ частную собственность творческимъ трудомъ, изобиліемъ и щедростью; большевизмъ зоветъ къ ограбленію, пріучаетъ человѣка къ безразлично-машинальному труду и даетъ ему нищенскій паекъ. Духъ освящаетъ бракъ и семью — любовью и молитвою; большевизмъ снимаетъ всѣ святыни и запреты, и губитъ семью въ открытомъ многобрачіи и кровосмѣшеніи. Духъ творитъ національную культуру, даетъ человѣку родину и пробуждаетъ въ его душѣ патріотизмъ; большевизмъ ведетъ къ національному всесмѣшенію, издѣвается надъ патріотизмомъ и зоветъ къ предательскому интернаціонализму.

Духъ на высшей ступени своей являетъ человѣку Сына Божія и учитъ его молиться Небесному Отцу; большевизмъ, рожденный сынами погибели, ведетъ человѣка по путямъ кощунства къ „отцу лжи“ и его безднѣ.

Изъ этого уже ясно, что выступленіе современнаго большевизма есть одно изъ проявленій того великаго религіознаго кризиса, который переживаетъ человѣчество за послѣдніе вѣка. Сущность этого кризиса состоитъ въ томъ, что человѣчество съ одной стороны привыкло вѣрить чувственному опыту (создающему естествознаніе и технику) и разсудку (отвлеченно и самодовольно резонирующему по законамъ формальной логики); съ другой стороны — разучилось вѣрить духовному опыту и беречь свою безсознательную духовность. Небеса

попрежнему открыты человѣку; но человѣкъ потерялъ къ нимъ доступъ, заблудившись въ перепутіяхъ и распутіяхъ собственной души. Современный человѣкъ вѣритъ матеріи и разсудку; онъ ослѣпленъ ихъ доказательствами и ждетъ истины только отъ нихъ. Онъ не замѣчаетъ, что жизнь его становится благодаря этому узкой и плоской; что центръ ея благодаря этому уже передвинулся изъ безсознательной глубины на поверхность дневного сознанія; и что дневное сознаніе безпомощно, безкрыло; что оно не можетъ ни ставить высшія цѣли жизни, ни вести къ нимъ, ни строить духъ, ни воспитывать характеръ. Современный человѣкъ пренебрегаетъ своимъ безсознательнымъ и, главное, его духовностью; онъ забросилъ и запустилъ его; а оно продолжало жить въ духовной безпризорности, плутая по темнымъ лѣснымъ тропинкамъ, уходя въ глубину своей животности „по слѣду вепрей и волковъ" . . . Вотъ почему въ современномъ человѣчествѣ ослабли и продолжаютъ слабѣть всѣ органы безсознательной духовности; религіозная вѣра и молитва, сила прозрѣнія и интуиціи, чувство таинственнаго и священнаго, совѣсть, художественный вкусъ, чувство права и правосознаніе, чувство родины и семьи. Именно вслѣдствіе этого современному человѣчеству, поскольку оно захвачено этимъ духовнымъ кризисомъ, — нечего противопоставить большевизму. Ибо большевизмъ есть послѣдовательный матеріализмъ, послѣдовательная разсудочность и послѣдовательная бездуховность.

Невозможно человѣку жить безъ инстинкта. Но есть возможность жить инстинктомъ — неодухотворяя его. Это значитъ предоставить инстинктъ его животности; и предоставить своему животному инстинкту и его эксцессамъ — преобладаніе и господство въ жизни. Законченнымъ проявленіемъ этого будетъ большевизмъ; религіознымъ символомъ этого будетъ черная месса (попытка создать религіозный обрядъ изъ разнузданнаго безсознательнаго). Ибо

человѣкъ, не одухотворяющій своего безсознательнаго — неминуемо становится рабомъ собственной животности.

Вотъ трагическій смыслъ современнаго безвѣрія, той послѣдней и опаснѣйшей каверны, въ которую вливается и которую разъѣдаетъ ядъ современнаго большевизма. Современный „просвѣщенный" человѣкъ, съ развитымъ сознаніемъ и запущеннымъ, безбожнымъ безсознательнымъ — не вѣритъ ни во что и не преданъ ничему высшему; онъ живетъ безъ Бога, безъ религіи, безъ идеала и безъ идей; у него нѣтъ ничего такого, за что ему стоило бы умереть; а это значитъ, что ему не стоитъ жить тѣмъ, чѣмъ онъ живетъ. Вотъ почему его жизнь лишена пафоса и высшаго смысла. И именно поэтому сатанинскій пафосъ большевизма ему такъ опасенъ. Движимый этимъ разрушительнымъ, сатанинскимъ пафосомъ, большевикъ-коммунистъ борется не на животъ, а на смерть; онъ способенъ не только умирать за свою противоестественную химеру и утопію, но и замучивать другихъ, отвергающихъ ее. Напротивъ современный „либеральный буржуа" — озабоченъ прежде всего тѣмъ, чтобы сохранить свою жизнь и провести ее съ наибольшимъ удобствомъ; но умирать за это ему нѣтъ смысла; а остатки его „морали", давно уже выродившейся въ лицемѣрно-сентиментальную безхарактерность — мѣшаютъ ему даже оказывать настоящее сопротивленіе большевицкому напору. Поэтому онъ и не борется на смерть; поэтому шансъ на побѣду не у него. Сатанинскому пафосу коммунизма — въ современномъ мірѣ — не противостоитъ религіозно-осмысленный пафосъ духовной личности, свободы и частной собственности.

Однако мало того, что современное образованное человѣчество, захваченное этимъ духовнымъ кризисомъ, не борется съ большевизмомъ; оно въ значительной степени

облегчаетъ ему его пропаганду своимъ внутреннимъ разложеніемъ.

Дѣло не только въ томъ, что міровая интеллигенція, не имѣя своей идеи „прислушивается" къ гибельной идеѣ коммунизма; и, не имѣя своего волевого пафоса, съ интересомъ наблюдаетъ одержимость и напоръ коммунистовъ. Это было бы психологически понятно: заблудившемуся и растерянному можетъ импонировать самый дикій планъ, только потому, что онъ все таки „планъ"; увѣренность нерѣдко внушаетъ „уваженіе" безвольному человѣку даже тогда, когда она есть лишь слѣпая самоувѣренность. Дѣло въ томъ, что духовно ослѣпшій инстинктъ не умѣетъ ни отличить увѣренно добра отъ зла, ни поддержать необходимую для всякой жизни форму бытія.

Этотъ своеобразный процессъ смѣшенія и разложенія наблюдался и въ русской интеллигенціи въ предреволюціонную эпоху; и питался онъ изъ тѣхъ же корней и источниковъ. Люди разучались понимать, гдѣ кончается святость и гдѣ начинается грѣхъ; въ чемъ сущность религіи и въ чемъ сущность распутства; что такое искусство и почему оно не можетъ и не должно превращаться въ чувственное возбужденіе и безформенный хаосъ. На самыхъ верхахъ русской интеллигенціи образовался такой уголъ и такой уклонъ, гдѣ всѣ понятія были перевернуты и всѣ подходы были извращены; гдѣ священное совлекалось въ блудъ, а распутство принималось за нѣчто священное; гдѣ, по карамазовски, стыдъ безстыдно подмигивалъ, а безстыдство притворялось стыдомъ; гдѣ кощунствовали о святомъ и цѣломудренномъ, а нецѣломудренное „смаковали и размазывали". Соблазнъ духовного хлыстовства захватывалъ тогда — и религіозные кружки, и философскую публицистику, и поэзію, и музыку, и политику, имѣя во всѣхъ этихъ областяхъ своихъ яркихъ и зловѣщихъ представителей, духовно подготовляя всѣ извращенія русской революціи и предвыявляя всѣ ся надвигающіяся мерзости. Смута царила въ интеллиген-

ціи прежде, чѣмъ она воцарилась въ странѣ. Сначала водворилась духовная вседозволенность, и лишь затѣмъ — соціально-политическая. Сначала растеряли духовныя содержанія, разложили духовную форму и забрели въ духовное болото; а потомъ все поползло врозь, по всѣмъ швамъ; подточенное, изъѣденное правосознаніе интеллигенціи не могло уже нести бремя государственности.

Именно это духовное болото вседозволенности и разложенія формы возникаетъ за послѣднія десятилѣтія тамъ и сямъ среди міровой интеллигенціи. Отъ своей безбожной пустоты и скуки люди давно уже пытались искать развлеченія во вседозволенности и безформенности; сплинъ требовалъ невиданной жизненной остроты; снобизмъ гналъ души въ порочность. Коммунистическая пропаганда умѣетъ давать все нужное сразу: и вседозволенность, и всесмѣшеніе, и жизненную остроту, и порочность. И вотъ люди начинаютъ „интересоваться" совѣтскими „успѣхами", совѣтскимъ „искусствомъ", совѣтской пропагандой, и находить какъ разъ то, чего имъ не хватаетъ. И такъ, отъ безбожія и снобизма, соблазняясь невиданной „свободой" и новымъ безчестіемъ — они медленно сползаютъ въ коммунистическое рабство.

Есть міровой законъ, въ силу котораго за распущенностью слѣдуетъ порабощеніе: ибо тотъ, кто не умѣетъ самъ держать свой духовный хребетъ, — не сумѣетъ отстоять и свою общественную свободу: онъ неминуемо станетъ рабомъ того, кто заставитъ его работать по новому.

И вотъ, большевизмъ несетъ человѣчеству своеобразное сочетаніе „свободы" и рабства. Эта большевицкая „свобода" есть свобода отъ духа, отъ его благодатныхъ содержаній, отъ его благотворныхъ законовъ и отъ его необходимой формы — личнаго духовнаго характера. Въ этой „свободѣ" человѣческая личность заживо разлагается и идетъ ко дну; она растворяется въ болотѣ

древняго до-культурнаго всесмѣшенія; она возвращается къ тѣмъ первобытнымъ временамъ, когда человѣкъ жилъ ордою, пребывая душою въ самыхъ элементарныхъ животныхъ потребностяхъ, наслаждаясь на низменномъ уровнѣ и не вѣдая священныхъ законовъ и запретовъ. Этотъ уровень душевной жизни, насаждаемой большевиками, лучше всего характеризуется тѣмъ, что они объявили вѣру и молитву — лицемѣріемъ, нравственность и цѣломудріе — предразсудкомъ, а кровосмѣшеніе (сожительство между отцомъ и дочерью, матерью и сыномъ, братомъ и сестрою) — ненаказуемымъ. Эта „свобода" есть свобода разнузданія и вседозволенности. Она должна вознаградить человѣка за утраченную имъ свободу духовнаго и хозяйственнаго творчества: „отнынѣ ты будешь работать, творить, вѣрить и жить по приказу; за это тебѣ позволяется разнуздать свои страсти и насладиться свободою разврата" — вотъ смыслъ этого „освобожденія". Морально-духовная вседозволенность должна компенсировать человѣка за его религіозное, хозяйственное и политическое порабощеніе. Въ этой вседозволенности человѣкъ становится рабомъ своего животнаго инстинкта и слѣдовательно рабомъ того, кто разжигаетъ этотъ инстинктъ и потакаетъ ему.

Такъ шло съ самаго начала революціи. Первая ставка большевиковъ была на утомленіе отъ войны и на шкурный инстинктъ. Вторая ставка ихъ была на алчность, зависть, ненависть и мстительность. Третья на половую распущенность (законы о семьѣ и бракѣ) и на честолюбивый карьеризмъ новаго пролетарскаго чиновничества („выдвиженцы"). Четвертая ставка готовится нынѣ на завоевательный авантюризмъ (подготовка всеевропейскаго грабежа) и инстинктивный шовинизмъ массъ. Вся сущность большевицкой революціи состоитъ въ разложеніи духа, разжиганіи страстей и порабощеніи распален-

ныхъ душъ. И вотъ, люди съ разнузданными и распаленными страстями мечутся, какъ одержимые, по всей Россіи и по всему міру; стращая сами себя, другъ друга и все населеніе, для того, чтобы судорожными толчками проводить въ жизнь — всеобщее духовное разложеніе и противоестественную, а потому и неосуществимую, коммунистическую утопію.

Имъ необходимо сначала разнуздать въ душахъ некоммунистичекаго большевика. Они стремятся духовно расглить человѣчество, чтобы ослабить его; ослабить — чтобы перелить, переплавить, перековать его на свой матеріалистически-безбожный и коммунистическій образецъ.

Большевикъ силенъ во злѣ. Именно поэтому ему ненавистны всѣ люди сильные въ добрѣ и онъ стремится, гдѣ только можетъ, замучить или убить ихъ. Ему годятся и люди слабые въ добрѣ — ибо онъ надѣется напугать, поколебать и соблазнить ихъ, довести ихъ до предательства и поработить окончательно. Ему годятся и люди слабые во злѣ: онъ укрѣпитъ ихъ въ ожесточеніи и безстыдствѣ, и присоединитъ ихъ къ своему побѣдному шествію. Кого можно — онъ соблазняетъ и покупаетъ; кого нельзя — онъ стремится оклеветать или убить.

Уиженіе — одно изъ главныхъ его орудій: предавшій униженъ своимъ предательствомъ и сталъ его добычей; продавшійся униженъ своей подкупностью и не видитъ путей назадъ; испуганный униженъ своимъ страхомъ; договаривающійся съ нимъ — своимъ договоромъ; молчащій — своимъ непротивленческимъ молчаніемъ; просящій у него пощады— своею зависимостью и пресмыканіемъ. Всѣ они по выраженію коммунистовъ — „поставлены на колѣни"; духовный хребетъ ихъ сломленъ; сопротивляться они уже не могутъ; остальное додѣлаетъ борьба за существованіе, вліяніе среды и время.

Такъ всюду, во всемъ мірѣ, гдѣ только имѣется душевная каверна, большевикъ вливаетъ въ нее свой ядъ, подготовляя себѣ побѣду.

VI. Какъ бороться съ ядомъ большевизма

Первое и основное: нельзя бороться съ закрытыми глазами, или въ сонномъ состоянiи, или нося въ самомъ себѣ смуту и разложенiе. Необходимо духовно проснуться, открыть глаза, напречь всю свою зоркость и продумать, прочувствовать кровью сердца, прострадать скорбью и отвращенiемъ — до конца — сущность современнаго большевизма-коммунизма. Затѣмъ надо залѣчить въ русскомъ зарубежьи всѣ тѣ личныя и общественныя щели, въ которыя большевики вливаютъ свой ядъ. И одновременно — найти тѣ огненныя слова и доказательства, которыя смогутъ открыть глаза иностранцамъ на ихъ каверны и на вливающiйся въ нихъ ядъ большевизма.

Большевицкiй ядъ грозитъ всему мiру и всѣ народы должны бороться съ нимъ сообща. Въ этомъ вопросѣ они всѣ солидарны другъ съ другомъ той высшей солидарностью, передъ которой отходятъ на заднiй планъ, какъ несущественныя, всѣ ихъ разногласiя и распри. Нацiональная Россiя заинтересована въ томъ, чтобы всѣ народы поняли это какъ можно скорѣе и чтобы большевицкая зараза не захватила весь мiръ. Ибо коммунистическое разложенiе мiра не спасетъ Россiю, а только продлитъ и закрѣпитъ ея порабощенiе.

А. Русское зарубежье.

1. Русское зарубежье должно всегда помнить, что оно чрезвычайно ослаблено самымъ положенiемъ своимъ: во первыхъ оторванностью отъ своего народа, отъ его территорiи, отъ его личныхъ рессурсовъ и производительныхъ силъ; во вторыхъ — своею бѣдностью, необходимостью жить чернымъ или механическимъ трудомъ, отсутствiемъ досуга и свободныхъ средствъ; въ третьихъ — своею разсѣянностью по разнымъ странамъ и постепенной денацiонализацiей, которая выражается

больше всего въ незамѣтномъ отождествленіи своихъ интересовъ съ интересами того народа, который пріютилъ эмигранта. Все это — затрудняетъ осложняетъ нашу борьбу; слѣдовательно — все это составляетъ огромное преимущество коммунистовъ, которые властно и нещадно располагаютъ всѣми рессурсами русскаго народа, всѣми исконными богатствами Россіи.

Помня объ этомъ, мы не смѣемъ позволять себѣ „роскошь" волевого и организаціоннаго разъединенія. Повальное единомысліе невозможно. Но возможно и обязательно согласованіе и объединеніе силъ въ борьбѣ противъ сыновъ погибели и ихъ дьявольскаго дѣла.

Мы можемъ временами врозь идти; но мы должны всегда вмѣстѣ бить. Мало того, если понадобится, то мы должны будемъ и идти вмѣстѣ...

Посему наша первая опасность — недѣловая, безпредметная раздорливость, личная и партійная. Все, что ведетъ къ ней, что обостряетъ ее — должно нами обличаться и подавляться. Всѣ личные и партійные очаги раздоровъ — должны быть изолированы и обезврежены. Мы должны помнить. что въ нашей средѣ незамѣтно работаютъ агенты большевиковъ, имѣющіе прямое порученіе обострять и углублять раздоры въ эмиграціи. Мы врядъ ли когда нибудь сумѣемъ разоблачить ихъ всѣхъ до конца. Но именно поэтому мы должны неустанно гасить всѣ распри, вспыхивающія изъ за личнаго или партійнаго честолюбія. И еще одно: мы должны помнить, что среди иностранцевъ есть теченія, организаціи и партіи, которыя съ своей стороны дѣлаютъ ставку на религіозное, политическое или національное расщепленіе Россіи и которые уже готовятъ соотвѣтственное расщепленіе и въ эмиграціи (пропагандой, посуломъ, отпускомъ средствъ, клеветой и т. д.). Отвѣтъ на все это можетъ и долженъ быть одинъ:

русскій есть прежде всего сынъ единой Россіи, а потомъ уже все остальное.

Пока мы въ эмиграціи, мы не должны предаваться дѣленіямъ, исключающимъ необходимое согласованіе силъ въ борьбѣ:

ни партійно-политическимъ (монархисты, республиканцы, соціалисты);

ни религіозно-церковнымъ (православные, католики, лютеране, іудеи, магометане; или еще: антоніевцы, евлогіане, діонисіевцы, платоновцы);

ни возрастнымъ (отцы и дѣти);

ни національнымъ (великороссы, украинцы, грузины, армяне, евреи);

ни организаціоннымъ (какъ бы эти организаціи не назывались и гдѣ бы онѣ не возникали).

Мы не должны растрачивать свои силы на разлагательство инакомыслящихъ: это значило бы облегчать задачу большевикамъ; ибо всякое разлагательство идетъ имъ на пользу.

Мы не должны изъ за организаціонныхъ распрей вести въ иностранныхъ судахъ безконечные процессы, растрачивая на это національныя средства, силы и время. Это въ интересахъ коммунистовъ.

Мы должны рѣшительно отказаться отъ мелкаго, безнадежнаго бонапартизма: изъ него кромѣ интригъ, суеты, разложенія не выйдетъ ничего.

II. Мы должны побороть въ себѣ всякое непротивленчество, какими бы покровами оно ни прикрывалось особымъ ли пониманіемъ христіанства, или сентиментальностью, или пессимизмомъ, или вынужденною перемѣною подданства, или надеждою на эволюцію большевиковъ, или подсказкою иностранцевъ, или просто личнымъ утомленіемъ.

Все это есть или заблужденіе, или лукавое криводушіе, или лѣнь и трусость.

Мы должны понять и запомнить, что большевики прямо заинтересованы въ нашемъ непротивленчествѣ, и что поэтому тотъ, кто его проповѣдуетъ, дѣлаетъ (хотя бы несознательно) ихъ дѣло, дѣло вредное Россіи.

III. Мы должны побороть въ себѣ слѣпую, довѣрчивость къ людямъ, которые съ нами знакомятся, разговариваютъ и начинаютъ подсказывать тѣ или иные практическіе шаги.

Мы живемъ въ суровое, опасное, отвѣтственное время. Наши ряды пронизаны щупальцами врага. Мы должны меньше говорить, больше слушать и думать. Мы обязаны всесторонне взвѣшивать наши шаги, отнюдь не впадая въ въ безволіе или пассивность. Всякая излишняя довѣрчивость и болтливость идетъ на пользу врагу. Только помня это, мы справимся съ опасностью провокаціи,

IV. Четвертая опасность, которая угрожаетъ русскому зарубежью, есть опасность незамѣтнаго пріятія вражеской идеологіи. Это пріятіе имѣетъ самыя различныя формы и можетъ касаться и цѣлей, и средствъ; оно совершается иногда въ прикровенномъ видѣ и тогда является особенно соблазнительнымъ и опаснымъ.

Таково „признаніе совѣтской власти", обычно начинающееся съ газетныхъ статей о „достиженіяхъ революціи" или о „несомнѣнной эволюціи коммунистовъ", и кончающееся поступленіемъ на службу въ заграничныя совѣтскія учрежденія или вступленіемъ въ „союзъ возвращенцевъ".

Таково „отверженіе коммунизма съ пріятіемъ совѣтскаго строя", хотя бы по формулѣ „царь и совѣты". Въ пользу совѣтскаго строя могутъ говорить только люди, не представляющіе себѣ ту систему лжи, продажности, насилія и террора, съ которой исторически отождествился строй совѣтовъ и въ дѣйствительности, и въ сознаніи всего населенія Россіи. Поэтому формула „царь и совѣты" озна-

чаетъ: „честь и безчестіе"; или „правда и ложь"; или еще „милость и свирѣпость", „служеніе и продажность", „молитва и кощунство" и т. д.

Таково, далѣе, всякое увлеченіе большевизмомъ, какъ „планетарной идеей"; или „новымъ видомъ національнаго имперіализма"; или (еше глупѣе) — „исканіемъ новой соціальной правды"; или (еще хуже) — „новымъ видомъ богоборчества". Есть софисты, которые возводять большевизмъ къ Петру Великому, или выводятъ его изъ идей Сперанскаго, или характеризуютъ его какъ „злое благо" и проявленіе „религіозной стыдливости". Мы должны понять, чье дѣло дѣлаютъ эти „идеологи", выдвигая свои ядовитыя выдумки.

Такова наконецъ идея „націоналъ-большевизма" — безразлично, идетъ ли рѣчь о цѣли или о средствахъ борьбы. Большевизмъ, какъ уже показано, есть духовное разложеніе, разбой въ политикѣ, хозяйственное порабощеніе лица, растлѣніе семьи, карьеризмъ и продажность въ быту. Можетъ ли русскій националистъ отстаивать духовное разложеніе своей родины? Можно ли проповѣдывать разбой въ политикѣ, или хозяйственное рабство, или классовое ожесточеніе, или растлѣніе семьи — во имя русскаго національнаго идеала? Это можетъ искренно дѣлать только тотъ, кто совершенно не осмыслилъ большевицкаго яда.

Сюда же относится идея о томъ, что въ борьбѣ съ большевиками „хороши всѣ средства". Тотъ, кто признаетъ это, тотъ разрѣшаетъ себѣ все; вступаетъ на путь вседозволенности; и эта вседозволенность быстро размягчитъ, разложитъ его духовный хребетъ и выведетъ его изъ строя; ядъ большевизма уже проглоченъ имъ и губительное дѣйствіе этого яда неизбѣжно обнаружится въ его духовномъ организмѣ. Напрасно онъ будетъ думать и говорить, что онъ разрѣшилъ всѣ средства не себѣ лично, а себѣ, какъ борцу съ врагомъ. Эта оговорка не поможетъ ему: въ „борцѣ" пребываетъ

онъ самъ, и его личность не справится съ этимъ выдуманнымъ раздвоеніемъ. Какъ скоро онъ приступитъ къ осуществленію этой тактической вседозволенности, онъ скоро съ ужасомъ увидитъ себя идущимъ по путямъ обычнаго бандитизма, и враги не замедлятъ разоблачить и казнить его, какъ простого бандита.

Таковы четыре основныя опасности русскаго зарубежья въ борьбѣ съ ядомъ большевизма: разъединеніе, непротивленчество, слѣпая довѣрчивость и отравленіе ядомъ вражьей идеологіи.

Б. Иностранцы.

Каждый народъ развивается по своему, имѣетъ свои особые историческіе пути, трудности и заданія; онъ по своему болѣетъ, по своему переживаетъ смуту и разложеніе. Поэтому русскій эмигрантъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, имѣетъ задачу присмотрѣться къ тому народу, среди котораго онъ поселился, познать историческіе источники его духовнаго здоровья, корни его государственной силы, и установить тѣ каверны, въ которыхъ уже гнѣздится или въ которыя еще вливается ядъ большевизма. Это дастъ русскому эмигранту не только возможность противодѣйствовать распространенію большевизма и коммунизма въ мірѣ, но откроетъ ему еще доступъ къ глубочайшимъ корнямъ человѣческаго духа и государственной культуры. На этомъ пути онъ сможетъ многому научиться и впослѣдствіи научить своихъ братьевъ въ Россіи. Въ слѣпомъ подражаніи нѣтъ спасенія; но идейное, творческое, національно-видоизмѣненное заимствованіе — можетъ принести немалую пользу.

Большевизація отдѣльныхъ народовъ протекаетъ различно. И тѣмъ не менѣе кое-что основное и одинаково важное для многихъ народовъ установить возможно.

Изъ всего сказаннаго раньше ясно, что большевикамъ выгодно всякое религіозное, нравственное и духовное разложеніе народовъ; все подрывающее наличные авторитеты —

религіозные, нравственные, художественные, научные, государственные и партійные — все, что компрометтируетъ вождей въ глазахъ массы, всякіе скандалы, разоблаченія, процессы, клевета и сплетни. Большевикамъ выгодно всякое жизненное разстройство у другихъ народовъ, всякія затрудненія: политическія и особенно хозяйственныя — перенаселеніе, кризисы, безработица, стачки, неурожаи, голодъ, эпидеміи, инфляція, таможенныя войны, отпаденіе колоній и т. д. Большевикамъ выгодно все, что уменьшаетъ сопротивляемость и гибкость частно-хозяйственнаго строя, въ особенности же полное разоруженіе народовъ; все, что ослабляетъ внутреннія скрѣпы государства, въ особенности гражданскія и международныя войны. Большевикамъ выгодно все, что выталкиваетъ другіе народы изъ равновѣсія, изъ правопорядка и законности — всякія уличныя столкновенія, всякое нарушеніе дисциплины, хулиганство, увеличеніе преступности и развитіе бандитизма; все, что расшатываетъ правосознаніе и вызываетъ въ народѣ склонность къ бунтамъ и возстаніямъ; всякое броженіе въ арміи; развитіе партійности (особенно лѣвой) въ полицейскихъ кадрахъ; всякое разложеніе общественной морали и публичной корректности, чувства чести и долга; всякая продажность, гдѣ бы она ни обнаружилась. Большевикамъ выгодно все, что разлагаетъ семейную жизнь и характеръ; все, что разлагаетъ форму въ искусствѣ, заражая этимъ разложеніемъ человѣческія души; все, что мутитъ общественное мнѣніе, смѣшиваетъ добро и зло, повышаетъ общественный и личный цинизмъ, словомъ, колеблетъ послѣднія основы и необходимые устои бытія.

Въ частности необходимо отмѣтить слѣдующее:

1. Религіозное состояніе народа.

Всюду, гдѣ исторически сложившіяся церковно-вѣроисповѣдныя организаціи утратили свое воспитывающее вліяніе, гдѣ авторитетъ священства поколебленъ или подорванъ; гдѣ церковь стала нежизненна, а жизнь — не религіозна; гдѣ церковь противопоставляетъ свой авторитетъ родинѣ или

государственной власти, или гдѣ она проповѣдуетъ (словомъ и дѣломъ), что „цѣль оправдываетъ средства"; гдѣ религіозность отрывается отъ добродѣтели и героизма, гдѣ она не вросла корнями въ національное чувство, гдѣ она враждуетъ съ научной культурой, гдѣ она не умѣетъ освящать бытъ, не находитъ себѣ соціальнаго примѣненія и служенія—тамъ всюду дана почва для антирелигіозной пропаганды большевиковъ. Священникъ будетъ очерненъ, какъ врагъ истины, справедливости, прогресса и народа.

2. Національный составъ народа.

Всюду, гдѣ имѣются національныя меньшинства, тщетно добивающіяся культурной автономіи, свободы вѣроисповѣданія, языка и школы — почва для интернаціоналистической пропаганды большевиковъ дана. Коммунисты умѣютъ искусно сплетать свою интернаціональную агитацію съ соціальной и политической; выдвигать національный составъ землевладѣльческаго и торгово-промышленнаго класса, противопоставляя ихъ крестьянину и рабочему; сулить меньшинствамъ полное освобожденіе; разжигать въ нихъ склонность къ полному государственному обособленію и т. д. Въ настоящее время почти всѣ національныя меньшинства Европы ошибочно убѣждены въ томъ, что въ совѣтской Россіи существуетъ „національная свобода" и что коммунисты создали въ этомъ отношеніи „образцовый строй".

3. Классовый составъ народа.

Чѣмъ острѣе въ странѣ классовыя противорѣчія, тѣмъ легче большевикамъ вести свою пропаганду. Имъ выгодна всякая пролетаризація, всякое обнищаніе населенія; особенно разореніе средняго сословія (напр. черезъ инфляцію); разореніе крестьянства; развитіе и обостреніе въ странѣ капиталистическихъ противорѣчій — неравенства, зависимости, эксплуатаціи; накопленіе злобы, зависти и ненависти. Большевикамъ важно, чтобы какъ можно большее число людей было оторвано отъ частной собственности и отъ производства, основаннаго на ней; чтобы люди разучились творчески владѣть и пользоваться частной собственностью; чтобы ин-

стинктъ собственника поколебался, развратился и потянулся къ грабежу, къ передѣлу имущества, къ соціальной и, далѣе, къ соціалистической революціи. Напротивъ всякое укрѣпленіе средняго сословія; всѣ мѣры, прививающія народу инстинктъ частной собственности и дисциплинирующія его; снабженіе пролетаріата своими домами и огородами; паевое участіе рабочихъ въ прибыляхъ; повышеніе ихъ культурнаго и имущественнаго уровня и т. д. — невыгодно коммунистамъ, ибо все это смягчаетъ и оздоровляетъ классовое разслоеніе (дифференціацію) народа.

4. Государственное состояніе народа.

Чѣмъ безправнѣе народъ и чѣмъ слабѣе государственная власть въ странѣ, тѣмъ легче дастся большевикамъ побѣда. Безправный народъ обычно озлобленъ, политически несознателенъ, неорганизованъ и способенъ только къ разрушительному бунту, а не къ государственному строительству. Большевикамъ нуженъ не организованный народъ, а дезорганизованная чернь, которая вѣритъ демагогамъ и бѣжитъ за ними. Если же чернью управляетъ слабая власть — лишенная государственной воли и идеи, опирающаяся на расшатанный аппаратъ продажныхъ чиновниковъ и на подорванную коммунистическими ячейками армію — то большевики имѣютъ въ чужой странѣ наивыгоднѣйшую комбинацію. Вотъ почему имъ наиболѣе благопріятствуетъ все, что расшатываетъ наличную государственную власть и подрываетъ довѣріе къ ней, какъ то: парламентская продажность; партійная грызня; частая смѣна министерствъ; безправное положеніе главы государства; безидейность вождей; затруднительность диктаторіальнаго объединенія страны для борьбы съ коммунизмомъ; режимъ произвола и террора; неудачные перевороты справа; драки въ парламентахъ и муниципалитетахъ и т. д.

5. Семья.

Здоровая семья есть оплотъ національной жизни: она хранитъ священныя традиціи народа; она пріучаетъ че-

ловѣка къ любви, терпѣнію и жертвѣ; она укрѣпляетъ начало наслѣдственной собственности. Поэтому коммунисты стремятся разложить ее. И всюду, гдѣ семейный укладъ жизни поколебленъ; гдѣ угасаетъ начало мужской вѣрности и женской чести; гдѣ родители не умѣютъ блюсти свой духовный авторитетъ; гдѣ углубляется рознь между отцами и дѣтьми; гдѣ молодое поколѣніе утрачиваетъ чувство священнаго и заболѣваетъ голоднымъ тщеславіемъ — большевизму открытъ доступъ къ самому сердцу народной жизни. Нынѣ каждый народъ долженъ поднять движеніе за оздоровленіе своей семейной жизни; распаденіе ея выгодно только большевикамъ.

6. Воспитаніе и школа.

Всякое формальное воспитаніе, непробуждающее въ ребенкѣ религіозное и нравственное чувство, не зажигающее въ немъ любовь къ родинѣ и вѣру въ свой народъ — открываетъ его душу для большевизма. Все то, что озлобляетъ и ожесточаетъ душу ребенка —будитъ въ ней большевицкія настроенія. Большевизму благопріятствуетъ все, что подрываетъ авторитетъ учителя, что превращаетъ школьную дисциплину въ каторгу, что пріучаетъ дѣтей къ трафаретному мышленію, что прививаетъ имъ хулиганскія настроенія и ослабляетъ въ нихъ чувство чести. Особенно ядовито преждевременное и безпринципное трактованіе въ школѣ полового вопроса, разрѣшеніе дѣтямъ „товарищескаго брака“ или „пробной женитьбы“, а также вовлеченіе ихъ въ партійную политику, въ уличныя свалки, въ политическій шпіонажъ и т. п.

7. Общественное мнѣніе и интеллигенція.

Завоеваніе общественнаго мнѣнія и сочувствіе мѣстной интеллигенціи есть одна изъ главныхъ задачъ большевизма. Это достигается общественнымъ внушеніемъ. Настойчивое волевое повтореніе того, что совѣтскій строй есть государство новаго типа, именно соціально-справедливое государство, и что онъ несетъ міру новое освобождающее и осчастливливающее слово,—повторе-

ніе этого въ наивныхъ или продажныхъ газетахъ, въ брошюрахъ и книгахъ, на собраніяхъ и выставкахъ, въ салонахъ, въ театральныхъ пьесахъ, въ фильмахъ въ парламентахъ и въ муниципалитетахъ, создаетъ настоящую каверну для большевицкаго яда. Люди не замѣчаютъ, какъ они начинаютъ вѣрить величайшей исторической лжи, они раскрываютъ свои умы и сердца для сыновъ погибели и ждутъ отъ нихъ обновленія и спасенія. Пропаганда среди ученыхъ (ВОКС) и заманиваніе торгово-промышленныхъ круговъ заказами и поставками — довершаетъ дѣло и общественное мнѣніе страны оказывается „обработаннымъ".

8. Возможность новой войны.

Самый серьезный и глубокой опасностью для некоммунистическаго міра является новая война. Миръ, закончившій великую войну 1914-1918 г. г., не создалъ условій, обезпечивающихъ устойчивость международнаго равновѣсія, — ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи. Народныя же массы не способны выдержать бремя новой войны, не впадая въ политическую деморализацію со всѣми ея революціонными послѣдствіями. Несомнѣнно, что новая европейская война вызоветъ такія потрясенія — духовнаго, политическаго и хозяйственнаго характера, которыя превзойдутъ многое, виданное доселѣ въ исторіи; большевицкій ядъ разольется въ душахъ стихійно и захлестнетъ рядъ европейскихъ государствъ. Міровыя послѣдствія этого несчастія будутъ имѣть катастрофическій характеръ.

Таковы основныя опасности и каверны въ жизни другихъ народовъ, надъ углубленіемъ и использованіемъ которыхъ неустанно работаютъ коммунисты. Ядъ большевизма вливается въ души и отравляетъ ихъ, вызывая духовное слабосиліе и подготовляя полный духовный маразмъ. Это необходимо увидѣть, понять и продумать до конца. Борьба же съ этимъ ядомъ, является настоящей исторической и міровой миссіей русскаго національнаго зарубежья, которую оно должно понести и выполнить съ честью.